

БЮРО РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ

сборник (не)серьезных рассказов

ПОДАРИМ
ВЕЧНЫЙ ПОКОЙ

ВСЕГДА
НА СВЯЗИ.
ДАЖЕ
ПОСЛЕ.

РАССКАЗЫ
ИЗВЕЩАЮЩИЕ
И ПОВЕЩАЮЩИЕ

ПОСЛЕДНИЙ
ПУТЬ —
НАША
СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

НЕ
БЕСПОКОИТЬ
ДО
КОНЦА
РАССКАЗА

18+

от авторов Алгоритмического сопротивления

Мария Громкова

Бюро ритуальных услуг

<https://litres.ru/74120966>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одни его боятся, другие ненавидят, третьи - предпочитают делать вид, что этой части жизни не существует. Это мы про кладбище. Однако город мертвых растет с каждым днем и часом, а истории не его территории бывают самые неожиданные. Представляем вам новый сборник рассказов, раскрывающих мрачную тему с самых неожиданных ракурсов.

Содержание

Екатерина Рябцева. Шоковая терапия	4
Ксения Елютина. Случай с серебряной ложечкой или мешочек радостей	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мария Громкова

Бюро ритуальных услуг

Екатерина Рябцева.

Шоковая терапия

Ба-бах!

В аудитории на секунду воцарилась зловещая тишина. Студенты, тесно обступившие сдвинутые к центру лабораторные столы, недоумённо обернулись. Алёна лежала неподвижно, разметав пушистые русые кудри по старому паркету и раскинув безвольно руки. Лицо её не сильно отличалось по цвету от лабораторного халата, отчего на вздёрнутом маленьком носике отчётливо проступили веснушки.

— Дверь закрыли! Живо! — сквозь зубы процедила преподавательница. — Не хватало ещё лишних глаз. Виктория, нашатырь в подсобке. Остальные — повернулись сюда. Итак, сердце на нашем препарате продолжает сокращаться...

— И что нам с ней делать? — после злополучной пары Алёна ретировалась домой, а её подруги-однокурсницы отправились штурмовать столовую. Саша сердито жевала сосиску в тесте, больше напоминавшую на вкус бумагу. Гранё-

ный стакан с переваренным сладким чаем стоял отвергнутым.

— Ой, не знаю... — протянула Вика. — Всего лишь лягушка! Что с ней будет, когда мы на крыс перейдём? — она лихо разделявала вилкой котлету, невзирая на твёрдую пережаренную корочку. Когда-то Вика хотела поступать на медицинский, но почему-то остановилась на классическом биофаке.

— Я ещё понимаю: формалина нанюхаться или если б кровомясище какое. А тут — просто лягушка. В ней и крови-то толком нет...

— Вот-вот. Надо что-то делать с нашей Алёнкой, а то Кристина Михайловна вообще перестанет её на пары пускать, — Виктория уже закончила препарировать котлету, и теперь запивала пересолённый фарш раскалённым чаем, даже бровью не ведя.

— Слушай... — в глазах Александры мелькнул озорной огонёк. — Клин клином же? Может, ей просто нужна шоковая терапия?

— Думаешь? — Вика подняла бровь. — А её не размажет после такого окончательно? А то человеческая психика — штука хрупкая, так-то.

— А мы не будем сразу жёстко макать. Мы какой-то плавный переход сделаем! — Сашка прям загорелась собственной идеей и презрительно отбросила бумажную сосиску. — В анатомичку волоочь не надо, можем начать с чего попроще.

Например, с кладбища.

— А как это связано?

— Ну не знаю. Смерти ж все боятся. А мы, как истинные люди науки, знаем, что бояться надо живых, а не мёртвых. Кладбище, возможно, самое тихое и безопасное место в городе. Только она об этом не знает. Вот мы ей и покажем. Как там это на психологии объясняли? Рационализируем ситуацию. А где один базовый страх сняли, там и остальные подтянутся, — тут она осеклась под острым взглядом подруги.

— Что, думаешь, план — говно?

— Есть немного.

— Но кто мы такие, чтобы не попробовать?

— Смешная ты, Сашка! Но давай. Как минимум — развлечёмся.

— А нам точно туда надо? — дрожащим голосом поинтересовалась Алёна. Подруги буквально тащили её под руки. Она попробовала было сопротивляться, но под напором Сашкиной харизмы и Викиного ледяного взгляда сдалась и теперь просто обречённо канючила.

— Надо-надо! А то Кристиночка тебя точно отчислит, если ещё раз лабораторку заперешь.

Девчонки бодро шагали по сентябрьскому городу, залитому солнечным теплом. Всё-таки бархатный сезон в приморских городах особенно хорош. Пока остальная страна передевается в куртки и шапки, нежные дети юга продолжают

выгуливать босоножки и милые платица.

Аллея вечнозелёных кипарисов сменилась причудливыми искривлёнными соснами. Ни одной ровной! Хоть что-то да росло вбок, не по сценарию.

Улочка поменяла наклон, став круче и извилистее, пафосные гостиницы сменились скромным частным сектором. Чистенькая асфальтовая дорога с аккуратно покрашенными бордюрами перешла в гравийку, от которой при каждом шаге поднималась белая известковая пыль. Студентки немного замедлились.

— Ну девчонки-и-и-и-и... — предприняла Алёна очередную попытку. Она очень ценила дружбу с этими двумя шумоголовыми, но нынешняя затея не сулила ничего хорошего.

— Да почти пришли! Там вообще не страшно и очень красиво!

— Как на кладбище может быть красиво? — искренне недоумевала пленница. Ей вспоминались ряды покосившихся крестов посреди мрачного елового леса, запах растревоженной мёрзлой земли вперемешку со смолой и причитания убитой горем родни. Бр-р-р-р! Вот зачем портить такое приятное пребывание в дивном южном городе этим ужасом?

— Сама всё скоро увидишь!

Небо постепенно начинало розоветь. Саша сердито прищёлкнула языком. Шли они медленнее, чем хотелось бы. Ну ничего, действительно недалеко.

Ряд сплошных металлических заборов с узорчатой полос-

кой сетки у самой земли сменился наспех сбитыми строительными ограждениями. То тут, то там лежали кучи гравия и песка, а сквозь щели проглядывали замотанные плёнкой паллеты газоблоков. Сашка усмехнулась. Вон, люди строятся на самых подступах к городу мёртвых — и ничего! А эта трепетная лань готова бежать, роняя тапки, от одного упоминания.

Наконец, улица оборвалась, и дорога перешла в тропинку, петляющую между раскрошившимися валунами по выжженной безжалостным южным солнцем траве.

— Нам сюда, — Александра свернула с тропы и лихо перескочила через скалистое нагромождение.

Алёне понадобилось значительно больше усилий и существенная помощь со стороны подруг, чтобы забраться следом. Даже удивительно, как её вообще занесло на полевой факультет? Саша мрачно усмехнулась. Поди пробегись километров двадцать по тростниковым зарослям с тяжеленным рюкзаком и биноклем наперевес, если даже какие-то камушки — уже приключение!

— А где кладбище? — голос Алёнки выдал неподражаемый тональный переход от ужаса до недоумения, переходящего в разочарование.

— погоди, успеем. Ты лучше посмотри, какой тут вид!

А вид и правда был великолепный. Золотистый диск солнца садился в сизую дымку, подсвечивая её оранжевым. Барашки облаков разбегались в стороны, сияя верхушками. От

солнца расходилось несколько чётких геометричных лучей. А море... Густо-синее, почти чёрное у горизонта, оно тонко рябило верхушками волн. Солнечная дорожка тянулась навстречу девушкам, будто приглашая. На удивление ветер не пытался сдуть лицо с черепа, как обычно бывает в таких местах. Лёгкий бриз просто тянул холодком, напоминая, что сентябрь — уже не лето.

— Пряма как кожа, — неожиданно произнесла Вика. Остальные удивлённо уставились на неё. — Море. Смотрите, такая же текстура мелкая сетчатая. И даже растяжки есть. Или шрамы, — она показала на участки более тёмной воды.

— Это мы так высоко? — севшим от осознания голосом пролепетала Алёна. Лицо её вытянулось и приобрело подозрительный зеленоватый оттенок.

— Да это не высоко. Там дальше есть лестница, ступеней на восемьсот, к морю. А здесь — поменьше, — буднично отозвалась Александра. Вика тем временем принялась копаться в рюкзаке.

— Держи, — она всучила дрожащей подружке термос и стаканчик. Та поднесла жидкость к носу и отпрянула.

— Фу! Что это?!

— Чай. Из валерианы, боярышника и зверобоя.

— А почему так пахнет?

— Дорогуша, откуда ты там? Из Твери? У вас там тоже валериана растёт. И пахнет ровно так же. Пей давай.

Алёна с отвращением влила в себя травяное пойло. На-

питок был горячеват, но под строгим взглядом подруги она продолжила давиться этой дрянью. Впрочем, действительно стало легче. По всему маршруту движения чая начинало разливаться тепло. Оно постепенно разошлось по телу, возвращая жизнь и бодрость. Повеселевшая Алёнка отпила ещё глоток. А не так и отвратительно, если подумать!

Солнце осело быстро, буквально на глазах проваливаясь за горизонт. Зарево ещё какое-то время освещало окружающее пространство, затем чёрная южная ночь опустилась на мир решительно и беспощадно. Александра вздохнула и повела всех дальше, к истинной цели визита.

Тропинка стала прямее, но на ней то и дело попадались камни, да и обрыв опасно приблизился. Море шумело внизу, тасуя гальку, ветер сменил направление и постепенно крепчал. Даже припасённые предусмотрительными южанками кофты не слишком спасали.

Идти в темноте приходилось медленно. Но это ничего. Такие испытания — лёгкая репетиция. Биофак — территория сильных. Тут нужно или закалять характер и тушку, или переводиться куда-нибудь на эконом. Сашка презрительно скривилась. Вера в превосходство любимого факультета горела в Сашкиной душе как маяк, освещающий путь. Она с трудом представляла, куда потом идти с этим дипломом, но это было неважно. Главное, что она обожала биологию. Даже не как науку, а как своеобразную субкультуру. Все её знакомые биологи были людьми особой касты. Они цинично шу-

тили, героически двигали науку за гроши и едко плевались в сторону жаждущих богатства и земных благ. Они были атлантами, на чьих плечах...

Резкая боль в ноге вернула Сашку к реальности. Чёрт, голенистопоп подвернула. Ладно, это не беда. Она обернулась на подруг: так, обе на месте. Вот и отлично.

Над горами на востоке поднялась луна. Почти полная, только крошечная щербинка отделяла её от идеальной формы. И вот теперь, в этом холодном призрачном свете, тёмные нагромождения камней слева превратились в нестройные ряды памятников. Повыше, пониже, чёрные, серые. С оградками и без. С чахлыми берёзками, которые совершенно не хотели расти нормально на этих засушливых каменистых почвах, и больше напоминали кусты. Со столиками и даже целыми беседками, непонятно зачем поставленными здесь. Хотя сейчас они могут прийти как раз кстати. Нога неприятно ныла, и Сашка решила немного передохнуть перед дальнейшей экскурсией.

— Ну что, девчонки, располагайтесь! — она кивнула на ближайшую скамейку. На удивление Алёна села без малейшего писка и даже с некоторым интересом принялась осматриваться. — Благо, посадочных мест тут полно.

— Да уж, странная традиция, — отозвалась Вика. — Всё равно ведь потом не приходят.

— А если и приходят, то зачем? Мёртвому уже всё равно. Единственная его задача теперь — вернуть органику в

землю. А тут понимаешь, куча лишних обёрток — гроб этот, ещё и лакированный, да с синтетической обивкой, чтоб на-верняка. И как работать бедным редуцентам?

— У мусульман в этом плане поэкологичнее.

— Просто саван? Да, это уже лучше. Хотя как по мне, сжечь и развеять — по всем статьям — лучшая идея. Даже тупо эпидемиологически.

Тут Сашка исподтишка глянула на Алёну. Та сидела в каком-то абсолютно благодном состоянии. Как будто тут не кладбище вовсе, а приморское кафе! Неужто не страшно? Столько было заготовлено аргументов, а ей ничего не надо! Ей и так нормально!

В поисках поддержки Александра перевела взгляд на Вику. Та, напротив, сидела как-то нахохлившись, всё более очевидно страдая от холода. Это что, тверчанка их уделает просто от лучшей приспособленности к погодным условиям?!

— Как-кое к-красивое место, — странно протягивая слова, произнесла Алёна. — Знает-те что? Я хоч-чу, чтоб меня па...ах...хоронили тут!

Саша одарила Вику уничтожающим взглядом.

— Что в термосе? Не только чай, да?

— Да я немножко накапала!

— Чай — отпад! Запах — жесьть, но согрева-а-а-а-ает!

— Дай сюда, — Вика потрясла опустевший термос. — Да твою ж налево! Алёна!

Сашка сердито топнула ногой, и тут же согнулась от прон-

зающей боли. Аж слёзы навернулись на глаза.

— Ы-ы-ы-ы-ы-ы! — только и смогла произнести она. Помогая себе руками, она вытащила повреждённую ногу под призрачный лунный свет. Но даже в нём прекрасно было видно, как сильно щиколотка распухла и потемнела.

— И как тебя угораздило?! — Вика принялась что-то шаривать на скамейке. — Да где же он... — она встала и принялась обходить столик со всех сторон. Потом повернулась и упавшим голосом произнесла. — Девчонки... Кажется, я рюкзак продолбала... — по мере осознания масштаба катастрофы лицо её принимало всё более паническое выражение. — А там и телефон, и ключи, и аптечка...

— На скале, скорее всего оставила. И как полезешь в ночи? Закат уже всё, это вам не белые северные ночи.

— Фонарик нужен. Дашь свой телефон?

И Вика ушла по тропе. Периодически было видно, как пятнышко света поблёскивает среди камней, пока не скрылось окончательно.

— Слу-у-ушай... А ты права. На кладбищ-ще вообще-ще не страшно! — Алёна излучала нездоровый энтузиазм, который настолько не сходился с её привычным амплуа, что теперь нехорошо стало Сашке.

— Весёленький первый раз получился, — саркастично буркнула Александра, перекладывая ногу поудобнее. Та ныла всё сильнее. Надо, наверное, шкандыбать в город как-то и вызывать скорую. Не на кладбище, чтоб вопросов лишних

не задавали, а к ближайшему дому. Авантюра переросла из весёлого приключения в реальные проблемы. Хоть бы не разрыв сухожилия!

— Да эт-то не первый. Но у нас н-не так-кие красивые кладбища.

— То есть в обморок ты падать не собираешься?

— Да я и не соб-биралась.

— А лягушка?

— Не знаю, — Алёна задумалась. — Я их так-то не б-боюсь. Я вообщ-ще не поняла, поч-чему упала. Просто раз! И готово, — немного помолчав, она наклонилась к Сашке поближе, обдавая подругу настойчиво-кислым ароматом валерьянки. — А часто ты сюда ход-дишь?

— Обычно предпочитаю смотровые.

— Сек-кунду! — Алёна встала со скамейки и, пошатываясь, направилась в сторону кустов.

Прекрасно. В итоге вместо шоковой терапии у нас — алкогольная. Также в наличии вывихнутая (или сломанная?) нога и продолбанный рюкзак. Настроение у Сашки стремительно ухудшалось. Это ж теперь в травмпункт тащиться, объясняться... А если загипсуют? Хорошо, что полевая практика теперь только следующим летом. Но на пары-то нужно ходить. Кристиночка в этом плане зверь, к ней не приходить можно только в том случае, если отдыхаешь в морге. У неё реально стопроцентная посещаемость и никто не опаздывает. И все ходят в халатах! Даже на лекции. Биофак

— точно не для слабых духом.

Невесть откуда взявшаяся громада тёмных облаков скрыла луну в своих объятиях. Алёнки всё не было. Небось возвращает всё выпитое там, в кустах! Пить не умеет, зато нахрюкалась.

Да она вообще мало чего умеет и знает, жизни не нюхала. Особенно походной. Как она на практику первую пришла! В шлёпках! Прямо ходячий антикейс по технике безопасности. Тут бы Александре ощутить укор совести, по правилам ведь как: ночь пришла — встал куда дошёл, и до утра. Но она ж бывалая, сколько натопала по горным тропам, и тем более здесь. Это же не горы, так, холмы.

Сашка переложила затекающую ногу. Да где их носит?

Замелькал свет фонаря, но не с той стороны, куда ушла Вика, а с противоположной. Александра напряглась, всматриваясь. Вскоре появился и второй фонарь. Что можно делать вдвоём на кладбище ночью? Явно ничего хорошего. А у неё тут нога не работает, и подружка пьяная где-то шарахается. Неожиданные посетители продолжали что-то выискивать между могил. Наркоманы? Наверняка. От неадекватов лучше отгребаться и в контакт не вступать. Сашка сползла под стол, чтобы не оказаться обнаруженной, изо всех сил надеясь, что чёртова засранка не выпрется из кустов прямо на этих двоих. Вот тебе и безопасное место!

Ветер нарастал, с неба начали срываться холодные крупные капли. Они падали на сухую измождённую землю и ска-

тывались по пыли, даже не смачивая её.

Александра ничего не видела в этой чёрной пустоте. Даже двое с фонариками куда-то запропастились. Зато слух её обострился неимоверно. Она слышала, как бились волны о каменный берег, минуя узкую полоску галечного пляжа. Как свистел ветер в тонких ветвях чахлах берёз. А теперь что-то покатилося по склону, достигло обрыва, затихло на считанные мгновенья и плюхнулось в окрепший прибой. Что-то не очень большое, килограмм на шестьдесят. Наверняка в лёгком летнем платье.

— Алё-ё-ё-ё-ёна! — взвыла она не своим голосом. — Ви-и-и-ика! — Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Кто из них?!

Сашка выползла из-под стола и попыталась встать, но нога горела огнём. Ползком направилась к обрыву. Слезы текли нескончаемым потоком. Это её вина! Это она потащила подруг ночью на скалы! И теперь кто-то из них там, внизу, в обозлившемся прибое. Даже если тело пережило падение с высоты, неумолимое штормовое море напоит горькой солёной водой до смерти, утащит в свои чёрные бездны. Боже, за что?! Если хотел наказать, почему не меня?!

Раздался второй звук падения. Девушка взвыла, попыталась встать, но, едва наступив на раненую ногу, рухнула на землю. Боже! Ну почему они?! Такие молодые, вся жизнь впереди... Как ей теперь с этим жить?!

И тут раздался звук, который навсегда останется в её па-

мяти. Заслышав который, будет вздрагивать до конца своих дней. Самый мощный из психологических триггеров.

Во всём этом беспробудном тёмном отчаянии, почти одновременно с проблеском молнии, оглушая децибелами, грянуло: «А на море белый...»

— Саша! — раздался резко протрезвевший голос Алёны за спиной.

«Песок...»

— Сашка! Что случилось?! — это не молния была. Это со всех ног навстречу неслась Вика!

«Дует тёплый ветер...»

— Дорогая моя, чего ты так испугалась?!

«В лицо...»

Девчонки обхватили подружку, пытаясь успокоить. А ту трясло крупной дрожью.

«Можно даже неба коснуться рукой...»

Дальше по тропе снова замаячили фонарики. Двое усердно скидывали мусор с обрыва, прокатывая тяжёлые мешки по скале. Сашка медленно обернулась в сторону города. В светившемся на краю санатории начиналась дискотека.

— Вик... — наконец сдавленно изрекла пострадавшая. — У тебя остался коньяк?..

Ксения Елютина. Случай с серебряной ложечкой или мешочек радостей

В морге было тихо. Так тихо, что я слышал, как в кабинете наперебой гудят две лампочки — одна перегорающая, вторая просто нервная. Я сидел за столом и доедал булочку с маком. Булочка была чёрствая, но мак хотя бы хрустел, создавая иллюзию того, что я ем что-то живое. В морге это важно — иногда напоминать себе, что живой ещё ты, а не они.

Ночные смены я любил. Днём приходят санитары, врачи, практиканты с блокнотами, кто-то кого-то опознаёт, кто-то теряет ключи от холодильника. А ночью — тишина и покой. Только ты и твои временные соседи, которые ведут себя идеально: не храпят, не спорят, не требуют добавки.

Я уже собирался запить булочку чаем из термоса, когда в коридоре послышались шаги и ругань.

— Я тебе говорил — бери носилки! Нет, ты сказал: «Я сильный, я дотащу»!

— А я дотацил! Почти. Просто он... развалился немного.

— Немного?! У него нога отдельно в мешке болтается! Как погремушка!

Я вздохнул и отложил булочку. Ну вот, опять.

Дверь распахнулась, и в кабинет ввалились двое санитаров — Миша и Гриша. Миша был тощий и нервный, Гриша — квадратный и упрямый. Оба тащили по два здоровых чёрных мешка, из тех, в которых обычно возят не подарки. Мешки были тяжёлые и, судя по тому, как Миша морщился, ещё и неудобные.

— Доктор! — выдохнул Миша, сгружая свою ношу на каталку. — У нас поступление.

— Я вижу, — сказал я, не вставая. — А поточнее?

Гриша бухнул свои мешки рядом и вытер лоб.

— Поезд, — сказал он. — «Скорый» до Мухосранска. Мужик на путях. Кажется, его переехали.

— Кажется? — я приподнял бровь.

— Ну... пару раз, — признал Гриша. — Может, три. Состав длинный был.

— Очень длинный, — добавил Миша. — Мы его собирали... в смысле, фрагменты. Вон, по мешкам рассортировали. Этот — ноги, этот — руки, этот — туловище, а этот — голова.

Он указал на каждый мешок по очереди. Голова, кстати, лежала в мешке отдельно и, кажется, тихо возмущалась — но это, возможно, был просто сквозняк.

Я посмотрел на мешки, на санитаров, на свою недоеденную булочку. Потом фыркнул.

— Ладно. Свободны.

— Может, помочь? — спросил Гриша с надеждой. —

Разобрать?

— Я сам. У меня опыт.

Санитары переглянулись, пожали плечами и вышли, продолжая переругиваться уже в коридоре. Дверь за ними закрылась, и снова наступила тишина — теперь уже с четырьмя мешками в качестве компании.

Я встал, отряхнул крошки с халата и подошёл к каталке. Мешки были завязаны грубо, по-санитарски — узлы такие, что проще разрезать. Я разрезал. И первым делом заглянул в мешок с головой.

На меня смотрел старик. Очень бледный, очень худой, с впалыми щеками и выражением лица, которое обычно бывает у людей, чей поезд ушёл, а они — нет. Глаза были закрыты. Я бы даже сказал — демонстративно закрыты.

— Так-так, — пробормотал я. — И кто тут у нас?

Голова не ответила. Но в тишине мне послышалось что-то вроде «...бергамот...».

Я решил, что переработал.

Я выложил содержимое всех мешков на каталку. Расклад был такой: две ноги, две руки, туловище в старомодном плаще с поднятым воротником, и отдельно — голова. Всё аккуратно, даже с запасом. Поезд, как и говорил Гриша, постарался на славу: конечности были отделены чисто, будто кто-то расчленил тело по инструкции, прилагаемой к конструктору.

Я достал инструменты и начал сборку. Честно говоря, в

профессии патологоанатома есть что-то от сборщика мебели: если детали подходят — всё отлично, если остались лишние — ну, значит, где-то в другом мешке чужое.

— Левая нога, — бормотал я, приставляя конечность к туловищу. — Правая нога. Левая рука... нет, это правая. Тьфу.

Я перепутал руки и минуту стоял, тупо глядя на два больших пальца, которые смотрели в разные стороны. Потом перевернул одну руку, и всё встало на места. Оставалась голова.

Я взял её аккуратно, как берут дорогую вазу, и приставил к туловищу. Что-то щёлкнуло. Я достал иглу и нить — хорошую, хирургическую, — и начал пришивать.

И тут голова открыла глаза.

— Осторожнее, — сказала она скрипучим голосом. — У меня шея чувствительная. Артрит.

Я не выронил иглу. Честь профессии. Но булочка, съеденная полчаса назад, в желудке тревожно перевернулась.

— Вы... живой? — спросил я, хотя понимал, что вопрос звучит глупо, учитывая обстановку.

— Условно, — сказал старик. — Вампир я. Пенсионер. Шестьсот лет, скоро шестьсот один. А вы, я так понимаю, патологоанатом?

— А вы догадливый.

— Ну, вы меня пришиваете, — резонно заметил вампир. — Обычно это делают либо врачи, либо очень странные портные. Портным я не доверяю — вечно зауживают в груди.

Я сделал последний стежок и отступил. Вампир сел на каталке, покрутил головой, похрустел шеей и довольно крикнул.

— Неплохо. Ровнее, чем в прошлый раз.

— В прошлый? — переспросил я.

— А, это было в Венеции, в восемнадцатом веке. Тогда меня колесовали. Знаете, что такое колесование? — Он махнул рукой, не дожидаясь ответа. — Неважно. Местный цирюльник меня собирал. Пьяный был — левую ногу пришил к правому плечу. Я потом год хромал на руку.

Я молча смотрел, как вампир осматривает свои конечности, проверяя мою работу. Потом он заглянул в мешок, из которого его извлекли, и расстроено вздохнул.

— Ложечки нет, — сказал он.

— Простите?

— Ложечка. Чайная. Серебряная. Я её искал. — Вампир похлопал себя по плащу. — Она у меня в кармане лежала, но в плаще дыра. Я нагнулся на путях — выронил. А тут поезд. Скорый. Очень скорый, я бы сказал. Даже слишком.

Он замолчал, задумавшись о чём-то своём.

— Так вас поезд переехал из-за ложки? — уточнил я.

— Не просто из-за ложки! — возмутился вампир. — Это особенная ложка. Она разговаривает. И всё время критикует мой выбор чая. Говорит, бергамот — это мещанство. А я люблю бергамот! Я шестьсот лет пью чай с бергамотом, и тут какая-то ложка, которую я подобрал в прошлом году на

барахолке...

— Разговаривает? — перебил я.

— Представьте себе. Очень склочная ложка. Но я к ней привык. И выронил. А теперь её, наверное, унесло под откос. Или она уехала в Мухосранск.

Он выглядел искренне расстроенным. Я не знал, что сказать. В моей практике были ожившие покойники, но ожившие вампиры, расстроенные потерей разговаривающей ложки, — это было впервые.

— Может, вам поискать на путях? — предложил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.